

СООТНОШЕНИЕ СВЕТСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО МИРА В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ

ления, стиля его творчества. Огромные пласты творческого наследия уникального гения отечественной философии, всей отечественной культуры все еще ждут своих вдумчивых исследователей.

В данном же тексте предпринята попытка постановки самой проблемы еще неисследованных возможностей обнаружения взаимосвязи и взаимообусловленности тех или иных особенностей биографического ландшафта Соловьёва как философа, богослова, литературного критика и поэта, а также общественного деятеля и публициста. Следует отметить, что если обратиться к многочисленным исследованиям творчества Вл. Соловьёва, то разве только давняя работа его личного друга – философа Евг. Трубецкого «Мировоззрение Вл. Соловьёва» отчасти восполняет пробелы заявленного нами соотносительного анализа. А в трудах наших современников, посвященных тем или иным сторонам творчества Вл. Соловьёва, даже в одной из самых интересных – в работе Пиамы Павловны Гайдено – «Владимир Соловьёв и философия серебряного века» М., 2001 дается анализ именно творческого наследия **вне** зависимости оно от особенностей страннического стиля жизни нашего великого соотечественника. Автор рассматривает романтический эстетизм, характерный для Соловьёва – с его культом вечной женственности (о чем у нас лишь намечено – как логический мост для продолжения исследования) подчеркивая, что он во многом определил атмосферу серебряного века, но не ставит перед собой задачу найти причины своеобразия этого романтического эстетизма.

Поистине, все еще остается открытым один из т.н. «проклятых», (как их называл Генрих Гейне) вопросов: «Одиночество – мать совершенства или крест, который под силу только гениям?»

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] "...для более или менее обстоятельного анализа ориентации Вл. Соловьёва среди философов и писателей как его времени, так и прошлых времен, необходимо учитывать, что им помещены в I-ом издании энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона - 31 статьи по истории философии и 24 – по отдельным философским проблемам...Этот огромный и весьма сложный материал еще никем систематически не изучался и пока только ждет своих исследователей». с.7. [2] **Лосев А.Ф.** Творческий путь Владимира Соловьёва – вступительная статья к I-ому тому соч. Вл. Соловьёва в двух томах. См. Философское наследие, т. 104, М., «Мысль», 1988, Там же с.28.

[3] **Соловьёв В.С.** Оправдание добра. Соч. в двух томах, т. I, с.124, М., 1988.

[4] **Гулыга А.В.** Философия любви – вступительная статья (после Лосева) к I-ому тому соч. Вл. Соловьёва в 2-ух томах, М., 1988, с. 37.

[3] там же, с.47.

[5] «**Михаила Васильевича Соловьёва** – по воспоминаниям современников отличал мягкий и веселый характер, он был человеком образованным и чуждым всякого ханжества См. **Барсуков Н.П.** Жизнь и труды М.П. Погодина, кн. VII, Спб., 1895, с. 337. Цит. по **С.М. Соловьёв.** Избранные труды. Записки. I изд-во Московского университета, 1983, с.411.

[5] там же, с. 363. Следует добавить, что «**Профессор Соловьёв** был со студентами сдержан, сух, вне университета недоступен. Среди студентов он слыл талантливым лектором, но гордецом, который не сходился с ними, как это делали Грановский и Кудрявцев».

[6] См. **Н.О. Лосский**. История русской философии М., 1991, с.53.

[8] **Баткин Л.М.** Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления, изд-во «Наука», М., 1978.

[7] **А. Блок.** Рыцарь-монах- Соч. в 2-ух томах, М., 1955 том. II, с.163.

[9] **Энтелхия:** 1) у **Аристотеля** – сложное понятие соединяющее материальную, формальную, действующую и целевую причины.

2) у **Лейбница** – монады (из-за их самодавления и совершенства)

3) у **Свешникова:** а) Цель и возможность; б) Возможность и осуществленность; в) Полнота реализации – в умозрении и делании: «Настоящая полнота жизни – в ее **энтелхии** воплощается во всей сумме личностного бытия, целенаправленно, ценностно и гармонично».

См. Владислав Свешников (протоирей, настоятель храма Трех святителей на Кулишках, Москва) в книге «Прикосновение веры», М., 2005, с.752-755.

[10] **Выжлецов Г.П.** Аксиология культуры Спб, 1997, с. 83-84: «Это путь сознательного духовного творчества тех, кто и задает человечеству ценностные ориентиры веры, любви и красоты, реализует всей своей жизнью смысл и высшее предназначение человека, независимо от своей профессии и социальной роли.

... Внутренняя целостность и духовная самостоятельность выводят их в любой жизненной ситуации на подлинно личностный уровень: оценка-поступок-поведение. А это делает таких людей даже при самом кротком характере вроде князя Мышкина неудобными и неуступчивыми при любом нравственном отклонении. Поэтому общество милует, скорее разбойника Варраву, а казнит несущего ему духовный свет «Христа, и так было всегда, во все времена...»

[11] См. Послесловие **Н. Котрелева** к кн. Владимир Соловьёв. Стихотворения, эстетика, Литературная критика. М., «Книга», 1990, с. 479.

Богатая Л.Н.
АРХИТЕКТОНИКА И ДИНАМИКА КОНЦЕПТА

Статья является продолжением серии публикаций, в которых исследуется концепт. Цель данной работы – рассмотрение архитектоники концепта, особенностей динамики его становления, причин повышения интереса современной философской мысли к оперированию концептами. При проведении исследования для автора наиболее близкими на природу концепта оказались взгляды французских философов Ж.Делеза и Ф.Гваттари [5] а также российских исследователей Л.А.Микешинной [8], Л.А. Марковой [7], С.С. Нере-

тиной [9].

1. Архитектоника концепта.

Обращение к исследованию архитектоники концепта, а не его структуры связано с тем, что, как известно, латинское слово *architectonica* происходит от греческого термина, означающего строительное искусство, художественное выражение закономерностей строения, соотношение нагрузки и опоры. Что же касается термина структура (лат. *structure*), то его назначение фиксировать совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность. Тем самым, выбором термина архитектоника подчеркиваются, с одной стороны, творческий характер конструирования концепта, с другой - фундаментальная связь концепта и плана имманенции, которые играют друг по отношению к другу своеобразную роль опоры и нагрузки, взаимное расположение которых и определяет итоговый результат.

Как было показано в одной из предыдущих публикаций [3], концепт проявляется из плана имманенции в результате деятельности концептообразующего субъекта. Поэтому обсуждение архитектонических особенностей концепта, автоматически подразумевает и осмысление плана имманенции, и обнаружение характера деятельности философствующего субъекта. Следует отметить, что термин план имманенция рассматривается в смыслах, зафиксированных Ж.Делезом и Ф.Гваттари в работе «Что такое философия?»[5].

Обращаясь к рассмотрению архитектоники концепта, первое, что можно утверждать, – существование изначальной архитектонической сложности. Как отмечал Ж. Делез, простых концептов не существует. Концепт не может состоять из одного элемента. В нем всегда есть составляющие, которыми он и определяется, поясняется. Концепт это некая множественность. Элементы этой множественности различны, разнородны и вместе с тем - неотделимы друг от друга [5:30].

Множественность концепта - фрагментарна. В концепте присутствуют составляющие, которые принадлежат другим концептам, отвечающим на другие проблемы и своим происхождением связанные с иными планами имманенции. Концепты переплетаются, образуя некую фрагментарную целостность.

В этой целостности, как отмечает Л.Маркова, подготовившая фундаментальное исследование о философии Ж.Делеза, «имеется фокусная точка, или точка сгущения...В логике смысла ей соответствует нонсенс, или парадоксальная точка, которая пробегает по сериям, соединяя и разветвляя их, обеспечивая замкнутость концепта и устанавливая мосты к другим концептам» [7:15]. Каждый концепт рассматривается как своеобразная точка совпадения, сгущения и скопления своих составляющих.

Сказанное подразумевает высокую информационную плотность концепта. Однако случаются и неконсистентные концепты, или то, «что Ницше называл «бесформенной и жидкой концептуальной размазней» [5: 10].

Архитектоника концепта хранит память о его становлении, об отношении с другими концептами, располагающимися с ним в одном плане имманенции.

По Делезу, концепты пригнаны друг к другу, пересекаются друг с другом, взаимно координируют свои очертания, составляются в композицию, соответствующую их проблеме [5:28-29]. Чаще всего эта композиция далека от гармоничного завершения. В качестве фрагментарных целых концепты не являются даже деталями мозаики, так как их неправильные очертания не соответствуют друг другу. А своеобразные соединения между концептами, или «мосты» – это «подвижные мосты».

Стремление концептов к объединению формирует из них, по замечанию Л.А. Микешиной, «иерархические, часто ассоциативные семантические сети, как это представлено, например, в одной из моделей хранения знаний в памяти человека» [8:506]. Приведенное высказывание еще раз подчеркивает мысль цитируемого автора о том, что концепты следует рассматривать как своеобразные единицы хранения информации, а объединения концептов формируют некие информационные блоки.

Архитектоника концептов активно исследуется в рамках когнитивных наук - когнитивной психологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии. В этих дисциплинах культурный концепт определяется как «многомерное ментальное образование... в котором выделяются несколько качественно отличных составляющих (слоев, измерений и пр.) [4:7]. В приведенной характеристике архитектоники концепта внимание фиксируется на многомерности, внутренней сложности, слоистости, что в некоторой степени соответствует философским представлениям о сериальности.

В лингвокультурологии предлагается своеобразный подход, к проведению структурного анализа концепта [4].

В рамках этого подхода целостность концепта рассматривается как результат взаимодействия понятия, образа и действия: «Понятийная составляющая, отражающая признаковую и дифиниционную структуру концепта, образная составляющая, фиксирующая когнитивные метафоры, поддерживающие его в языковом сознании, и значимостная составляющая, определяемая местом, которое занимает имя концепта в языковой системе» [4:7]. Целесообразность фиксации в концепте понятийной и образной стороны сомнения не вызывает. Что же касается значимостной составляющей, то сомнению можно подвергнуть и выбор самого термина, и закрепленное за ним содержание.

В рамках философского подхода определенные соображения о способе исследования структуры концепта предлагает Л.А.Микешина. «Как мне представляется, выявление структуры концепта можно осуществить, следуя по нескольким направлениям: в частности, соотнести структуру концепта и архитектонику опыта; осуществить рефлексию компонентов, от которых «очищались» на пути к *cogito*, чистому сознанию - вообще к Понятию (методическое сомнение Декарта, феноменологическая редукция Гуссерля), т.е. подойти к проблеме выявления структуры концепта как бы «от противного»; наконец напрямую сопоставить концепт и понятие» [8:510]. Если сравнивать два приведенных пути анализа структуры концепта – лингвокультурологический и философский, то общими оказываются: попытка выявления «понятийного следа» в концепте, осуществление рефлексии над его компонентами. Различие же состоит в том, что в философском подходе учитывается личностное измерение концепта, через соотношение структуры концепта и архитектоники опыта. Как отмечал М.Бахтин, «Архитектоника - ...воззрительно необходимое, неслу-

чайное расположение и связь конкретных, единственных частей и моментов в завершённое целое - возможна только вокруг данного человека – героя» [1:10]. Архитектоника в смысле М.Бахтина и выражение «архитектоника опыта» Л.А.Микешинной фиксируют субъектное, авторское начало в формировании любого целого – будь то текст, или концепт.

Продолжая размышления о способах анализа архитектоники концепта особое внимание, вероятно, следует уделить исследованию рядоположенности его элементов.

Л.А.Маркова замечает, что понятия соседства и неразличимости несут в философии Делеза и Гваттари большую нагрузку: они в определенной мере заменяют собой такие более привычные понятия «причинная зависимость, процедура снятия, диалогическое общение». С их помощью устанавливается связь между различными элементами в рамках философского размышления. Эти «зоны (соседства или неразличимости) образуются в результате наложения одной составляющей на другую» [7:14].

Термины соседство и неразличимость хороши для образного представления соединения концептуальных образований, но в целях проведения последовательного анализа концепта необходим поиск более точных обозначений. Термин соседство удобен тем, что фиксирует рядоположенность элементов одной серии, или соседних серий в том случае, если они пересекаются или сближаются (термин серия также используется в смысле, зафиксированном Ж.Делезом [5]). Фактически подчеркивается одновременное рассмотрение двух элементов, взятых в своем различии. В ходе анализа концепта наступает такой момент, когда два, до этого различных элемента, становятся единым целым и этой неразличимой целостностью проявляются в мире. Более того, эта неразличимая целостность, вернее схватывание (концептуальным персонажем или Другим) этой неразличимой целостности выполняет некую когнитивную роль в понимании концепта. В такой ситуации использование терминов соседство и неразличимость оказывается явно недостаточно, ибо эти термины не фиксируют главного – креативного начала, скрывающегося за указанным соседством.

Подводя итог сказанному об архитектонике концепта, можно формулировать следующие **выводы**:

1. Архитектоника концепта являет собой некую фрагментарную множественность, состоящую из других концептов, обретающую свою целостность в результате концептообразующей деятельности философствующего субъекта, вступающего во взаимодействие с планом имманенции.

2. Исследование архитектоники концепта предполагает выявление «понятийного следа» в концепте, осуществление рефлексии над его компонентами с учетом архитектонических особенностей, привносимых концептообразующим субъектом.

3. Особое внимание при исследовании концепта должно быть отведено изучению соседствующих элементов концепта, представляющих собой неразличимые целостности, выполняющие креативную функцию в процессе концептоосмысления.

2. Динамика концепта.

Представление о развитии концепта актуализирует рассмотрение особенностей его динамики.

О динамике концепта можно говорить в двух смыслах.

Во-первых, в смысле внутренней динамики, отражающей сериальные процессы, взаимодействие серий внутри концепта.

Во-вторых, в смысле внешней динамики, определяющей взаимодействие между концептами.

Изначально необходимо отметить, что проведенное различие достаточно условно, ибо в силу сложности любого концепта, можно рассуждать и о межконцептной связи внутри концепта. Вероятно, главное различие заключается в том, что внутренняя динамика преимущественно рассматривает внутрисериальные процессы, внешняя – межконцептные взаимодействия.

К ряду внешнединамических феноменов следует отнести смену одного концепта другим. Как отмечает Л.А.Маркова, смена концептов «происходит через смену проблем, которые формируются в результате взаимодействия составляющих концепта» [7:23]. Конкретный концепт формируется для решения определенной проблемы, проблема предшествует концепту. Однако, в ходе развития концепта возможна переформулировка или полная смена проблемы. Тем самым, взаимоотношения концепта и проблемы можно определить как взаимовлияние.

Как уже отмечалось, концепт формируется в рамках конкретного плана имманенции. Один и тот же план может одновременно порождать несколько концептов, взаимодействующих друг с другом. «Концепт связан и с концептами, сосуществующим с ним в рамках одного типа мышления (одного плана), одной исторической эпохи... при создании концепта между ним и остальными концептами строятся мосты, служащие сочленениями концепт» [5:30]. Делез и Гваттари называют концепты, существующие в одном плане имманенции концептами одной группы; и наоборот, если концепты отсылают к разным планам. [5:76].

Важно отметить, что каждый концепт раскрывается через обращение к другим концептам причем, не только в истории своего развития, но и в «становлении в своих нынешних соединениях» [5:30]. Сопряжение с иными концептами является своеобразным источником динамического напряжения для развития любого концепта.

Продумывание динамики развития концепта выводит на обнаружение определенной связи между межконцептными соединениями и философским гештальтом. Подробно представления о философском гештальте рассматриваются в работе [2]. Также как и концепту, формированию гештальта предшествует обнаружение проблемы. Также как и концепт, гештальт есть результат творчества субъекта. Схожесть с концептом обнаруживается и в том, что формирование гештальта невозможно в рамках формально-логического мышления. Гештальт формируется на границе сознательного и бессознательного состояний. Концепт, как уже неоднократно подчеркивалось, возникает в результате рассечения хаоса концептформирующим субъектом. Характер рассечения никогда нельзя предугадать, он всегда спонтанен. Как и концепт, гештальт чрезвычайно подвижен. Процесс формирования гештальта происходит через переживание субъектом множества пробных вариантов гештальта: «внутренне прочувствованные» элементы на мгно-

вание проявляются некоторым порядком, попадая в поле сознания, происходит моментальная проверка зафиксированной целостности на «истинность» и «ложность», на «то» и «не то». При этом нет места никаким логическим операциям, хотя и остается впечатление ментального характера происходящего. При очевидной схожести концепта и философского гештальта их различие можно определить следующим образом. Гештальт предстает определенной процедурой, использующейся при осмыслении концепта. Рассмотрение концепта может сопровождаться возникновением различных гештальтов, главная задача которых – способствовать проявлению тех смыслов, зафиксировать которые и призван концепт. Гештальт обнаруживается под воздействием концепта субъектом познавательной деятельности; способствует развитию концепта, проявлению его смыслового потенциала. Тем самым гештальт оказывается важнейшим инструментом концептоосмысляющей деятельности.

Если теперь перейти к проблеме внешней динамики концепта и рассматривать общекультурный контекст его формирования, связь концептов в конкретной исторической точке, то, по замечанию Л.А.Марковой, хотя концепты и связаны друг с другом, «но не развиваются один из другого с необходимостью, их связь спонтанна, и появление нового концепта свидетельствует о превращении в него какой-то составляющей предыдущего концепта в связи с появлением новой проблемы» [7:9]. Как уже отмечалось, в концепте присутствуют другие концепты, отвечающие на другие проблемы. Одновременно у концепта есть отношения с концептами, располагающимися в одном с ним времени, в одном плане. Тем самым, как отмечал Делез, «у каждого концепта есть своя история» [5: 28]. Обнаружение этой истории вероятно является важнейшей частью теоретического исследования концепта.

Рассматривая особенности динамики концепта нельзя обойти вниманием одно очень интересное замечание, сделанное Л. А.Марковой. По ее мнению, «в концепте всегда есть составляющие, препятствующие возникновению другого концепта, а с другой стороны, есть составляющие, способные возникнуть лишь ценой исчезновения других концептов» [7:17]. Сказанное можно понимать как указание на то, что в бесконечной текучести развертывания концепта имеет место определенный синтаксис, позволяющий осуществлять фрагментирование, выделение определенных порций концептуального бытия, позволяющих зафиксировать уникальные смыслы, появление которых и оправдывает, становится важнейшей целью концептуального бытия.

3. Определение причин тяготения современной философии к оперированию концептами.

Подводя промежуточный итог рассмотрению различных ракурсов и точек зрения по отношению к концепту, можно вернуться к вопросу, сформулированному в начале серии публикаций, посвященных концепту: почему современная философия тяготеет к оперированию концептами?

В работе [3] было предложено рассмотрение трех уровней философствования - категориального, категориально-понятийного и концептуального. Очевидно, что это разделение является условным и в чистом виде практически не существует никогда. Философская мысль может свободно перемещаться с одного уровня философствования на другой, меняя при этом методологическое оснащение. Однако, вероятно, имеет место влияние общекультурных тенденций, акцентирующих тот или иной уровень философствования. Современная культурная ситуация, характеризующаяся как макросдвиг, отмечается повышенной пластичностью, изменчивостью. Потому, если придерживаться категориально-понятийного осмысления мира, оставаясь в рамках традиционной формальной логики, то необходимо будет учитывать повышенную подвижность и изменчивость понятийного аппарата, что ведет к размыванию мысли в потоке терминов.

Высокая скорость развития общекультурных процессов сдерживает обращение к категориальному уровню философствования, ибо при таком подходе любое суждение относительно той или иной категории отражается в расплывающемся и множасьемся потоке мнений.

Из сказанного можно заключить, что наиболее адекватным способом философствования для современной культурной ситуации, характеризующейся высочайшим динамизмом, оказывается сотворение и анализ концептов. Делез гениально зафиксировал зарождающуюся тенденцию. По его мнению, «философы должны не просто принимать данные им концепты, чтобы чистить их и наводить лоск; следует, прежде всего, самим их производить, творить, утверждать и убеждать людей ими пользоваться» [5:14]. «Очистка» и «наведение лоска», вероятно, относятся к переводу концепта на категориальный и категориально-понятийный уровни. Что же касается концептосотворения, то его можно определить, как своеобразное виртуозное прощупывание возможностей, поиск тех концептуальных форм, которые могут оказаться востребованными культурой.

Исходя из всего сказанного о концепте, появляется возможность выделить наиболее характерные черты концептуально уровня философствования:

1. Работа с сериями, парадоксальными элементами, точками сингулярности.

К сожалению, понимание сформулированного тезиса во многом связано с усвоением и переосмыслением делезовской терминологии, ибо термины «серия», «парадоксальный элемент», «точка сингулярности» при внешней понятности, имеют глубинные авторские смыслы, раскрытие которых возможно только при встрече с Другим, с иным авторским философским прочтением. Результатом подобных встреч и окажется фиксирование конкретных смыслов, закрепленных за указными терминами. Пока же, предложенная Делезом терминологическая «обойма» является питательным бульоном, из которого могут сформироваться самые разные формы.

2. Фиксирование новых смысловых образований.

Концептуальный уровень философствования характеризуется высокой степенью неустойчивости смыслов. Отсюда возникает необходимость введения новых способов смыслообозначения. В этом плане может оказаться полезной дальнейшая разработка представлений о философском гештальте. Целесообразным в этой связи оказывается введение представлений о смысловых образованиях. Примерами смысловых образований выступают коллаж, пастиш (опера, составленная из фрагментов других опер), любые виды тропов. Главной особенностью этих конструкций можно считать потенциальную заряженность множественным смыслов, которые еще не проявлены.

3. Оперирование разными историческими пластами философской мысли, формирование приемов многомерного философского видения.

Приведенный тезис можно метафорически свести к первому, ибо, каждую отдельно взятую авторскую философскую систему, группу философских систем, развивающихся в исторически едином проблемном поле, можно рассматривать как своеобразные серии, состоящие из сериальных элементов, формирующих определенные терминологические поля и смысловые пространства (подробнее о смысловых пространствах см... [2]). При работе с парадоксальными элементами, принадлежащими одновременно двум сериям (двум различным философским пластам) естественно возникает проблема способов фиксации смысла при обдумывании парадокса. Само внимание к парадоксу возникает в связи с тем, что сопоставление двух, на первый взгляд, несопоставимых планов дает возможность проявлению абсолютно нового смысла, требующего для своей фиксации нового смыслового пространства или новой серии, нового философствования, основанного на иных аксиомах, базовых утверждениях.

Работа с парадоксальными элементами, возникающими на стыке различных философских подходов актуализирует проявление особого способа философствования. По мнению С.Неретиной, которое пропитано духом идей Делеза, философия есть «способ мгновенного схватывания чего-то, сравнимого с глотком воздуха... Философия становится своего рода терапией, избавляющей на время от раздвоенности, расстроенности или расстройности сознания от бесконечной текучести среды... Субъект сформирован... концептом, который как схватывание некоторого порядка есть событие, целостность» [9:18].

Оперирование разными философскими пластами естественно актуализирует идею Другого, ибо новый смысл может быть проявлен только в результате селекционной деятельности Другого, выступающего в роли своеобразного фильтра смыслов.

На основании всего сказанного можно сделать вывод, что современная культурная ситуация, связанная с переосмыслением идеи линейно развивающегося времени, делает несостоятельной попытку построения некой медленно эволюционирующей универсальной философской системы, которую со временем ожидает лишь незначительная корректировка. Настойчиво возникает необходимость одновременного обозревания различных систем, умения не только быстрого переключения от одной системы к другой, но и эффективного использования креативного потенциала, заключенного в их совмещении во времени. В этой связи концепт предстает уникальным способом мыслительной деятельности, являясь не комплексом «ассоциированных идей наподобие мнения», не системой «аргументов, упорядоченных доводов» [5:264], а множеством «неразделимых вариаций, которое создается или конструируется в плане имманенции» [5:265].

Общая роль концептов в философии может быть схожей с ролью аттракторов, которая в синергетике объясняется следующим образом: «Для определенных классов открытых сред (систем)... потенциально существует спектр структур (форм организации), которые могут возникнуть в них на развитых, асимптотических стадиях процессов. Спектр структур-аттракторов, иначе говоря, поле путей развития или древо ветвящихся направлений развития событий определяется сугубо внутренними свойствами среды. Это своего рода план эволюции, который потенциален. Спектр структур-аттракторов предопределен как спектр возможностей, но не более того. Если произошло событие выхода на аттрактор, то в открытой нелинейной среде имеет место процесс самодистраивания, процесс выпадения на аттрактор. И он так же естественен, как процесс падения тел в гравитационном поле притяжения Земли» [6:112].

Если воспользоваться методом аналогии, то группу концептов, актуализируемых в тот или иной исторический период можно рассматривать как своеобразный спектр структур, определяющих вероятное направление развития философской мысли.

Отсюда - повышенный философский интерес к осмыслению концепта, все больше и больше привлекающего внимание исследователей в современной нелинейной и сверхнестабильной культурной ситуации.

Источники и литература

1. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. - СПб.: Азбука, 2000. - 336 с.
2. Богатая Л.Н. Гештальт сознания. - Одесса, Альянс-Юг, 2004 г. - 221 с.
3. Богатая Л.Н. Концепт: возрождение через возвращение. // Науковий вісник ХДПУ ім. Г.С.Сковороди. Серія „Філософія“. Вип. 20, - Харків, ХНПУ, 2005.
4. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин». // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. - М., 2003 - С. 5-12.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? Спб.: Алетейя, 1998, - 288 с.
6. Князева Е.Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. - М.: 1995. - 228 с.
7. Маркова Л.А. Философия из хаоса. - М., КАНОН+, 2004. - 383 с.
8. Микешина Л.А. Философия познания: полемические главы. 2002 г., - 624 с.
9. Неретина С.С. Тропы и концепты. - М.: УРСС, 1999. - 278 с.

Шевченко О.К.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ВЛАСТИ В УКРАИНЕ И РОССИИ

Кризис, в котором оказались постсоветские государства в начале 90-ых годов XX в. особенно ошутимо проявился в системе управления, что вызвало соответствующую философскую и научную рефлексию в виде многочисленных статей, монографий и диссертаций, посвященных проблеме власти, что позволяет говорить о повышенном интересе к кратологической проблематике в Украине и России [1].

Начиная с 1991 года в этих странах регулярно выходят работы, посвященные разным аспектам власти. Можно констатировать, что проблема власти занимает одно из ведущих мест в гуманитарных исследова-